

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ ПРОЛЕТАРИ ВСІХ КРАІН, ЄДНАЙТЕСЬ! ПРОЛЕТАРЫ УСІХ КРАІН, ЄДНАЙЦЕСЬ!
 БҮТҮН ӨЛКӨЛӨРИН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛЭШИНІ ЗАМҮСДӨДӨДӨМ 33000 33006000, 000400000 00016500000 00000 00000000, 00000000
 БҮТҮН ЕР ЙҮЗІННІН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛЭШИНІ БҮТҮН ДУН'Ё ПРОЛЕТАРЛАРИ, БИРЛЭШИНГИЗИ ПРОЛЕТАРХОМ ХАМАН МАМЛАКАТХО, ЯК ШАВЕЛ
 БАРДЫК ЕЛДЕРДН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРІГІНДЕРІ БАРДЫК ӨЛКӨЛӨРДҮН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРИККИЛЕІ КАРКІЕН МАІДЕН ПРОЛЕТАРИТ, ШТТКУААУНТЕС
 ПРОЛЕТАРЬ ДИН ТОАТЕ ЦЭРИЛЕ, УНИЦН-ВЭІ VISU ŠALIŲ PROLETARAI, VIENŪKITĖSI
 VISU ŽEMŲ PROLETĀRIEŠI, SAVIENOJĒTIESI KÓIOI MAĀDE PROLETARLASED. OMINEO

Цена 20 коп.

№ 167 (8469)

СУББОТА

15

И Ю Л Я

1944 г.

Год издания 28-й

ИЗВЕСТИЯ

С О В Е Т О В
 Д Е П У Т А Т О В
 Т Р У Д Я Щ И Х С Я
 С С С Р

А. П. Чехов

Рисунок А. Панфилова.

Из воспоминаний

Т. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК

Синие полосы леса на горизонте, дорожка среди полей. «Глушь, тишина, соловьи, доси...» Воздух, опьяняющий свежестью и ароматом не только летом, но и зимой, когда, кажется, под снегом готовятся все летние травы и цветы, и душа их проникает сквозь белый снег. Деревенка на берегу пруда, а на другой стороне большой сад, и в нём уютно прячется одноэтажный, невысокий дом. Три огромных окна во всю стену: за этими окнами — кабинет А. П. Чехова, а вот и он сам на крыльце — закутанный, приветливый, с ласково поблёскивающими из-под стекол пенсне глазами. Я — в Мелихове и радуюсь атому, как празднику. Я дитя города, без родного угла, без семьи — и, может быть, потому мне так хорошо у Чеховых. В Мелихове — особенная атмосфера настоящего труда, настоящей семьи.

Чеховы вышли из самой скромной среды, однако были они люди высокого благородства и необыкновенно изысканного вкуса. Их небольшой, но просторный дом блестел чистотой и порядком, и хотя обстановка была совершенно простая, — без чего бы то ни было показного, — ничто не резало глаз, и ни тени пошлости нельзя было уловить во всем доме, как и в его обитателях. Комнаты неуловимо напоминали своих хозяев. Строгая, спартанская келейка отца — Павла Егоровича — с китом, запахом лекарственных трав, висевших по стенам, и огромными книгами, где он записывал свой дневник — кратко против каждого числа: — Пиона расцвела. — Пастуха громом убило. — Наехали гости — не хватало туфляков. — Миша женился — и т. д., — в одной строке все главные события дня, и, читая этот дневник, я понимала, откуда у Антона Павловича эта способность в одной фразе дать всю картину, в одном «горлышке» бутылки, блестящем на плотине» — всю лунную ночь. Комната Евгении Яковлевны, с швейной машинкой, обёмистым сундуком, шкафчиками, где хранилось всё, что нужно для дома, и ослепительной чистоты занавесками и удобным креслом. Девически белая комната Марии Павловны, с большим портретом любимого брата, занимавшим первое место как в комнате, так и в её сердце.

Наконец, кабинет Антона Павловича — с итальянскими окнами, в которые зимой с высоких сугробов иногда любопытно заглядывали зайцы, а весной смотрели цветущие яблони. Антон Павлович особенно любил яблони и вишни в цвету, и в своей пьесе «Вишневый сад» больше всего ценил название, очевидно вызвавшее у него счастливые ассоциации. В кабинете — большой диван, этюды Левитана и покойного брата Антона Павловича — художника Николая Павловича, книжные полки и письменный стол, на котором лежали листки последнего рассказа, исписанные его тонким, причудливым, но очень разборчивым почерком. Все ясно, чисто и опрятно, никакой задней мысли, неискренности. Недаром Антон Павлович говорил: «Человек должен быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически». Этому правилу неуклонно следовал и он сам, и все его близкие.

В Мелихове Антон Павлович много работал и не только писал: работал в земстве, лечил всю округу... Любопытно, что его все возраставшая слава как-то заслоняла от публики его общественную деятельность, и принято было говорить: «Чехов не общественный деятель, он ушел в свою литературу...» Этот близорукий взгляд многие разделяли. Даже мы как-то «проглядывали» его кипучую деятельность.

Мелиховский период был одним из самых светлых в его жизни. Шутки, прогулки, походы за грибами, поездки к соседям, где хозяйка прекрасно играла на рояле, особенно любимую Антоном Павловичем «Лунную сонату» Бетхо-

вена. Все это не мешало тому, что за это время Чехов написал много самых своих значительных вещей, в том числе «Чайку». И при этом работал на своём медицинском поприще. Добровольно взял на себя обязанности земского доктора безвозмездно и снабжал крестьян лекарствами из своих же очень скромных средств. Но никогда об этом не распространялся, и другие не говорили об этом. Но если даже было вспомнить все, что ему удалось сделать на своем коротком веку, то ясно станет, какой большой вклад он внёс именно в общественную жизнь своей родины.

1890 г... Поездка на Сахалин, в результате которой он добился отмены применявшегося на каторге наказания плетью. 1892 г... В суровую зиму поехал в голодную Воронежскую губернию — кормить крестьян. Тогда правительство мало шло навстречу нуждам народа, и приходилось прибегать к частным пожертвованиям. Чехов с неутомимой энергией собирал средства и говорил о себе: «Я верно был бы превосходным нищим, так я умею выпрашивать деньги». Дальше — холерный год: Чехов, опять-таки безвозмездно, взял на себя заведывание холерным участком, один справляясь с двадцатью пятью деревнями. Уезд его обязан ему тремя школами, проведением шоссе, земской больницы, пожарными сараями и пр.

Но он не ограничился своим уездом; его родной город — Таганрог благодаря ему получил великодушную библиотеку, он положил ей начало, пожертвовал всё своё прекрасное собрание книг и постоянно пополнял её. Он тут же писал таганрогскому городскому голове: «Не говори-те никому о моем участии в делах библиотеки — не люблю, когда треплют моё имя». Принимал деятельное участие в постановке памятника Петру I, в делах музея, в устройстве детских яслей, словом, во всех нуждах Таганрога. В 1896 г. занимался народной переписью, находя по сахалинскому опыту, что это дело особенно выявляет народные нужды.

Рокочная болезнь заставила его прекратить эту кипучую деятельность и уехать в Крым. Но и там, сам тяжело больной, он постоянно заботился о приезжавших немощных больных — учителях, студентах, детях. В кратком очерке всего не перечислишь, а можно бы написать целую книгу об отношении Чехова к товарищам и начинающим литераторам. Никогда я не встречала писателя, который так был бы чужд всякой профессиональной зависти и так радовался бы чужим успехам. Он совершенно не отдавал себе отчёта, какую роль он сыграет не только в русской, но и мировой литературе, говоря, что его скоро забудут и после смерти будут читать лет семь, не больше.

Вот прошло уже сорок лет со дня его смерти, а мы его помним, может быть, больше, чем при жизни его, появив — какой он писатель. Своеобразный, особенным стоящий среди корифеев литературы, рядом с которыми, начиная с Льва Толстого, мы не боимся ставить его имя. Он сказал своё новое слово. Щепкина говорила: «Нет маленьких ролей, есть маленькие актёры». Чехов мог бы сказать: «Нет маленьких явлений, — есть маленькие писатели». Для него ни одно явление не было маленьким: он, как говорится в «Фаусте», «выхватывал из самой гущи жизни, и где бы ни схватил — там было интересно». Наша смелая эпоха решилась откинуть от Чехова кличку «пессимиста и нытика», шаблонные определения близоруких критиков, и нашла в его грустных, как русская действительность его эпохи, рассказах те живые ростки веры в народ, в будущее, в победу нового человека, те ноты, которые теперь так ясно звучали для его исследователей. И теперь мы попрежнему любим Чехова, но по-новому читаем его, — и он занял почётное место среди наших «вечных» спутников.